

КОРАБЛЬ ЧЕХОВА

Печальная судьба музея в Ялте

Мария Павловна Чехова и профессор медицины Ирина Кочнова.

Фото Владимира Беляева

Николай Алипов

ПРИ ДАВНО прошедшем дележе кораблей Черноморского флота, пожалуй, только этот остался без внимания политиков. «Корабль» этот — дом Антона Павловича Чехова в Ялте. Его мезонин давно прозвали «капитанским мостиком», окна — «иллюминаторами», а «подводной частью» своего нижнего этажа дом буквально уходит под землю, врезается в один из склонов Крымских гор, будто бы навсегда пришвартован здесь. Во всем его облике можно и дальше отыскивать и находить черты корабля, не то действительно севшего на мель ялтинской окраины Аутки, не то выброшенного сюда насмешливыми волнами чеховской судьбы: «Из всех русских теплых мест самое лучшее пока — Южный берег, — напишет он в одном из своих ялтинских писем. — В Крыму уютней и ближе к России».

На купленном им участке земли с диким заброшенным виноградником быстро был построен дом. Одновременно с постройкой дома Чехов занялся посадкой деревьев: «Сажая сам, собственноручно. Одних только роз посадил сто...» Через несколько лет уже не без гордости он скажет Куприну: «Послушайте, до меня здесь были нелепые овраги, чертополох, пришел я и сделал из этой дичи культурное красивое место». За четыре года с небольшим этот дом превращается в своеобразный культурный центр страны: Горький, Бунин, Рахманинов, Шаляпин, Бальмонт, Мамин-Сибиряк, Зайцев, Станиславский, Немирович-Данченко и многие другие бывали здесь.

Антон Павлович завещал свой дом сестре Марии Павловне. В годы Гражданской войны, а затем Великой Отечественной войны, сестра Чехова не покидает дом. Именно благодаря ее служению памяти брата Россия имеет уникальный литературный музей, который сегодня ей не принадлежит.

Благодаря усилиям Марии Павловны Дом-музей в Ялте становится филиалом Библиотеки имени Ленина в Москве. Именно в ее фондах находится завещание Марии Чеховой, в котором она просит не передавать музей после ее смерти ни в чьи руки, кроме «Ленинки». Ее не послушали. С начала семидесятых музей перешел в подчинение Министерства культуры СССР.

Далее «корабль» был вынужден пуститься в одиночное плавание, теряя курс, не зная порт своей приписки. Поначалу чеховскому «кораблю» немного помогало российское Министерство культуры, но колебания на самом «корабле» пригнали его к Киеву. Там вскоре дали понять, что надобно плыть дальше. И чтобы окончательно не превратиться в летучего голландца, музей вынужден был вернуться в мелкие воды местной гавани, оказавшись на балансе Управления культуры Республики Крым. Вскоре управление переименовали в министерство, начали то и дело меняться министры, явно толкая команду «корабля» к новым маневрам.

Чтобы как-то выживать, доходили до курьезов. В музее открыли выставку «Неизвестный немецкий солдат», где было представлено содержимое раскопанных на территории Крыма могил немецких солдат последней войны. Ошеломленный экскурсант оказывался будто в вы-

рытом окопе среди гильз, продырявленных касок, полуистлевших вещей солдат вермахта. Немецкие туристы плакали и бросали марки в дубовый ящик, установленный под портретом Чехова. Тогда казалось, что «на Чехова» всегда дадут, но шло время, и давали все меньше и меньше.

Не забывают дом и любители антиквариата: короткой летней ночью не стало иконы Николая Чудотворца, а с ней и японской вазы с итальянским пейзажем. Все эти реалии девяностых невольно возвращают нас к годам Гражданской войны. После ухода Врангеля с территории Крыма дом пережил девять обысков. Искали оружие, золото, белогвардейцев, продовольствие. В конце концов проломали изгородь чеховского сада и стали ходить через сад. Один прохожий как-то метнул стамеской в окно. Начав хлопотать о пенсии, сестра Чехова услышала: «Место пенсионеров на кладбище!»

Умирая, Мария Павловна не случайно адресовала свое завещание Ленинской библиотеке. Ведь еще в 1912 году родные Антона Павловича обратились в дирекцию Румянцевского музея с просьбой создать в Москве музей Чехова. Сестра Чехова и другие наследники выражали желание передать для этого многочисленные материалы, находившиеся в их распоряжении. Дирекция охотно пошла навстречу этой инициативе. Но вскоре сестра оказалась отрезанной от Москвы фронтами Гражданской войны. Страдания сестры Чехова, невольно оказавшейся в ялтинском доме, были велики, но Мария Павловна не только сохраняла своим присутствием дом, но и помогала сиротам, открыв в доме приют для детей. В это время по распоряжению советской власти шло изъятие ценностей из сейфов Румянцевского музея, где находились личные вещи и бумаги Чехова. Только в 1921 году Мария Павловна с большим трудом добралась до Москвы, чтобы их

высвободить. Но ей даже не разрешили прикоснуться к ценностям.

«Ныне Чехов является иностранным писателем на Украине, — с грустью замечает нынешний директор Дома-музея Чехова в Ялте Геннадий Шалюгин. — Россияне едут в Крым неохотно, посетителей чеховского дома почти не видать...» Не печальна ли вновь судьба этого дома? Конечно, в то время, когда забываются 25 миллионов наших соотечественников вне России, можно забыть и еще одного, хотя и с известной фамилией — Чехов. Дом стал эмигрантом.

Вероятно, наступает время, когда нельзя оставлять без всякого внимания со стороны России ее культурные и исторические памятники вне самой России. И решать их судьбу можно только на государственном уровне. Здесь тоже нужна и стратегия, и политика, которой нет у России.

Как часто в минуты душевного смятения чеховские герои говорят друг другу: «Пойдемте в сад!» Выйдем и мы на прощанье в чеховский сад. «Вся Россия — наш сад», — в этой фразе теперь находишь скрытый консолидирующий смысл.

Оглядываясь сегодня по сторонам, видишь, как умирают в чеховском саду деревья. Сад выглядит уставшим, будто он устал что-то доказывать людям каждый раз с нуля. Нельзя же, скажем, в сотый раз напоминать чиновнику, что Чехов, так тепло и нежно любивший Украину и не раз в шутку называвший себя «хохлою», должен называться в этой самой Украине иностранным писателем?

Когда-то Чехов сидел с биноклем на «капитанском мостике» своего «корабля» и рассматривал уходящее в даль море. Теперь из окон его дома почти не видно моря. Разросся сад, расстроился не самым лучшим образом город, и море почти ушло за горизонт. Бинокль Чехова стал музейным экспонатом. ■

Ялта-Москва